

Священник

Николай ТОЛСТИКОВ

г. Вологда

ВОССТАНАВЛИВАЕМ ХРАМ

рассказы

ЗНАК СВЫШЕ

Наш приход не забрал мир с местным предпринимателем. Бизнесмен держал в помещении обкорнанного, без куполов и колокольни, храма «Сытную лавку» и годами извлекал немалый барыш, гоня на продажу водку, мясо, сигареты. В отделение «Росреставрации», на чьём балансе числился храм, от лихого арендатора капала денежка, и все заинтересованные лица были довольны.

Хотя приходская община официально создана и зарегистрирована, в сам храм ходу нам нет: ещё на целый год сохраняется у предпринимателя срок аренды. И в очередной церковный праздник бежал к нему «на приём» наш староста и просил униженно позволить отслужить молебен возле стены храма снаружи.

Но вот бизнесмен угодил однажды в «автопеределку», выпутался из неё еле живым и, выздоровев, принёс и вручил настоятелю ключи от храма: «Магазин съехал! Забирайте помещение досрочно!..»

И всё-таки подводит человека «ретиное»! Про «знак свыше», по собственному выражению, бизнесмен вскоре забыл, ревниво поглядывая, как в храме постепенно налаживается церковная жизнь. Вроде б как ждал прежний хозяин, что «наиграются» в свои игрушки пришлые люди и уйдут восвояси, всё останется по-прежнему.

Да не тут-то было! И прихожан прибавляться стало...

Территорию вокруг храма обступал высоченный забор из металлического профиля, ворота, как на «зоне», раздвигались с помощью электромотора. «Квадратные метры» земли предприниматель успел в своё время по дешёвке

хитроумно выкупить у города, понастроить на них кирпичные гаражи. Строения он сдал в аренду, и теперь копошились в них автомеханики, чиня автомобили.

«Вы по моей территории ходите в храм!» – заявил он нам на полном серьёзе и вид такой сделал – мол, платите наличкою «проходные» или по воздуху летайте.

А раз не хотите платить, взял и подломил ломиком электропривод у ворот; теперь это тяжеленное полотнище надо было отодвигать вручную. Автомеханики, наши соседи, ребята здоровые: им ворота задвинуть или отодвинуть – раз плюнуть. Да вот беда – на работу они приходят поздно, а нам службу начинать спозаранок.

И налегает героически отец настоятель плечом на торец железного полотнища. Скрежешет препятствие, не поддаётся, силёнки требует.

Тут на помощь спешает дед Геннадий. Это ему, наверно, кажется, что он быстро движется, на самом деле еле бредёт. «Божьему одуванчику» годков более чем порядочно. В храме он с женою, тоже «одуванчиком», одни из первых прихожан. И на службу, как правило, приходят первыми. Он был когда-то давно секретарем райкома компартии, она – инспектором детской комнаты милиции. Потеряли единственную дочь, внука, остались в глубокой старости одни. Ожили, когда рядом с домом храм открылся. Ходят старички в его гулкой пустоте, целуют иконы, шепчут слова молитв, затепливают в помин душ близких и родных на панихидном столике свечи. И полегче им: может, не так остро одиночество и оставленность в этом мире ощущаются. Приводит Господь людей к вере неисповедимыми путями.

«А ну, помогай, жена! – призывает глуховатый дед супругу и упирается руками в торец полотнища ворот рядом с настоятелем. – Нет такой преграды в борьбе с капитализмом, чтобы не преодолела партия!»

Присоединяется ещё бабушка, и ворота нехотя, со скрежетом, отворяются.

И так почти каждое утро. Пока предприниматель, видимо, ждёт очередного «знака».

Заступница усердная

Восстанавливаемом храме любой помощи рады. И жертвуют люди кто что может по желанию и по достатку. Одна бабулька образ иконы Казанской Божией Матери принесла. Вырезана икона из настенного календаря, но заботливо скрыта под стекло и заключена в красивую рамочку. «Заступница усердная... Возьмите! – передала свой скромный дар старушка батюшке. – Поможет когда, защитит!»

Через два дня замок на дверях нашего храма взломали, ловко перекусили пассатижами у замка тоненькую дужку. Из помещения только-только выехал продуктовый магазин; хозяин его замки и те забрал с собой. Староста наш – из творческой интеллигенции. Купил он замочек в пору где-нибудь на даче на уборную вешать, и с этим запорчиком легко справился злоумышленник. В полутьме храма он сорвал со стены икону и бывал таков.

Нет худа без добра. Бизнесмен ещё не полностью освободил прихрамовую территорию: остался как раз напротив входа в храм гараж и при нём – видеокамера. Для полиции повязать грабителя было делом техники.

Икону нам вскоре вернули.

– Хоть бы старинная какая... А то простой календарь! – посетовали стражи порядка. – Никакой ценности.

– Понимали бы, что говорите! – проворчал настоятель. – Что с вором-то сделали?

– Он гастарбайтер. На историческую родину отправили как бы в наказание.

– Ловок мужик!

Старушка-дарительница приложилась к иконе, смахнула слезу:

– Пресвятая Богородица, спаси нас, грешных!.. Ты и храм от большего поругания оберегла, и пропащему человеку-нехристю домой помогла возвратиться!

Персона

Храм мы восстанавливаем в своеобразном городском квартале, прозванном в народе «дворянским гнездом». И правда, в соседних особнячках и коттеджах, прочих элитных домах тихо проживает отставная советская партноменклатура. Даже магазин, который был прежде в обкорнанном до неузнаваемости храме, назывался «Комсомолка».

Настороженно и с удивлением следили за нами неотступно чьи-то глаза из-под занавесок на окнах. Но первая «ласточка» из тех домов появилась. Дед, тяжело опирающийся на трость, но сохранивший прежнюю начальственную выправку.

Постоит он, не крестясь, до конца службы у самой соли и потом, вроде б как чем-то недовольный, убрeдeт.

Причина скоро выяснилась — сам он озвучил. Туг на ухо оказался.

— Почему вы мои записки о здравии и упокоении вслух никогда не читаете?

— Да как же! — возражает батюшка. — Все обязательно прочитываем на литургии.

Но дед продолжает пенять настоятелю:

— Не по силу, что ли, вам вот так громко во всеуслышание объявить: сейчас мы будем читать записки товарища Полякова! Персонально!

Долг платежом красен

В наш храм среди совпартноменклатурного «дворянского гнезда» иногда прибредает дед. Путь сюда, пусть и из соседнего дома, даётся ему нелегко. Заметно, что старик «отходит» от недавнего инсульта: сядет на лавочку в углу и, уперев руки в поручень своей клюшки, остаётся неподвижным до конца службы. Сразу видно: он не из простых, одет в весьма приличный костюм, при галстукe.

Дождётся отпуска литургии, одним из первых подойдёт приложиться ко кресту и, повернувшись к прихожанам, вознимет руку с прилипшей к ладони пятитысячной. «Слушайте все! Я выполняю свой долг и торжественно вношу...» — дед громко сообщает всем,

которую по счёту купюру сегодня жертвует, и неловко пытается дрожащими пальцами просунуть ее в щель ящика для пожертвований.

Наконец это ему удастся, и он, тяжело опираясь на трость, но стараясь гордо запрокидывать седую голову, движется среди расступившихся прихожан к выходу.

В богоборческие тридцатые годы прошлого века наш странноватый прихожанин вряд ли храмы разрушал — может, бегал пацаном в тубетейке, сшитой из обрывка поповской ризы. А вот в семидесятые годы, когда в центре города добивали танками громадину всеградского собора, вполне мог быть среди тех, кто совершал это чёрное дело. Не среди «отцов» города замшелых «партайгеноссе», подписавших приговор храму, а среди тех солдатиков-танкистов. Ничем не могли разрушить вековые стены собора, и тогда пригнали на подмогу из воинской части танки. Парнишки-комсомольцы, накануне проинструктированные замполитом «до слёз», сидя за рычагами мощных машин, азартно и рьяно расправлялись с останками «проклятого и темного прошлого».

Говорят в народе, что судьба разрушителей — и тех, кто командовал, и тех, кто выполнял, — была печальна и трагична.

А вот, наверно, один из тех юнцов в танкистских шлемах тогда засветился, облаканный начальством, попёр в гору по партийной линии, сменяя чин за чином, и оказался в конце жизни вдвоём с больной женой-инвалидом в просторной, но неудобной квартире, выходящей окнами на восстанавливаемый храм. И на исходе лет, видно, встrepенулась, заболела и затосковала душа у старика. Сберeг её Господь.

Жертва пиара

Инноцентий — старый партийный журналист: не один десяток лет до пенсии в газетах отрубил. Под старость ему возжелалось и в писатели выйти. По прежним знакомствам и связям нашёл спонсоров, подсобили они ему несколько книжек очерков издать. Но книжки эти нарасхват не пошли, пыли-

лись в дальних углах в книжных магазинах да дома громоздились под кроватью в нераспечатанных пачках. Безвестность хуже всего!

Кто-то ушлый подсоветовал Кеше: иди, мол, в церковь просись, кем-нибудь да возьмут, зато какой пиар будет! Был — атеист, стал — богомолец!

«По жизни-то я авантюрист!» — всегда заявлял Кеша. И верно: оказался в церкви.

В восстанавливаемом храме любой паре рабочих рук рады. Кирпичи класть или брёвна таскать Иннокентию было не под силу, а вот прислуживать батюшке в алтаре он смог вполне. Тем более благословили его облачиться в красивый стихарь, во время богослужения гордо расхаживать с большущей диаконской свечой.

Летом уехал в отпуск настоятель, Кеша почувствовал себя вроде бы за главного. Как раз он заканчивал рукопись книги об одном известном дореволюционном промышленнике и меценате. Теперь бы денег на издание найти!..

И ведь недаром же Иннокентий себя по жизни авантюристом именовал. На заброшенном погосте возле купеческого памятника он прибрался, разослал приглашения на панихиду местным денежным «мешкам». И когда кое-кто из них клюнул, Кеша обрядился в стихарь, разжёл кадило и деловито забубнил под нос что-то непонятное самому себе из раскрытого требника. Потом под жужжание видеокамер, яростно размахивая густо дымящим кадилом, пошёл вокруг ограды.

Денег на издание книги Иннокентий тогда наверняка насобирали — пожертвовали ему, и дело вроде бы хорошее совершил: помянул земляка-мецената. Но вот только возмутился вернувшийся из отпуска настоятель и наложил на Кешу строгую епитимью.

День ангела

Староста Вонифатьич имел обыкновение приглашать в храмовый праздник за трапезу нужных людей. Необязательно спонсоров, то бишь благодетелей, но и тех, через кого можно что-то для прихода пробить или достать. Староста был ещё тот проныра.

И в этот раз на праздник Николы появились три именитых именинника. Стоящими на службе их никогда не выдвигали. За праздничным столом, когда они обесли настоятеля и старосту, прочая братия храма смогла их хорошо разглядеть, тем более Вонифатьич представил всех:

— Этот раб Божий Николай — председатель фракции коммунистов в городской думе. — Плотный пожилой здоровячок учтиво кивнул.

— ...А этот Николай, — продолжал староста, — бывший сотрудник КГБ, в своё время уполномоченный по делам религий. А ныне — депутат Законодательного собрания.

Вонифатьич в почтительном поклоне согнулся над столом, почти касаясь бородой тарелки, на что краснощекий седой детина протестующе замахал пухлыми руками:

— Что вы, что вы! Не надо, я человек скромный!

Третий Николай — глаза спрятаны за непроницаемой завесой дымчатых стекол очков, тонкие губы поджаты в строгую ниточку — оказался замом председателя Торгово-промышленной палаты.

Староста возглашал в честь гостей цветистые тосты, но потом как-то поиссякли у него хвалебные слова, тоже есть им конец и край. Над столом вдруг зависла долгая выжидательная пауза.

Но нашёлся и тут Вонифатьич. Закатил глаза и с чувством выдохнул:

— А хорошей школой был комсомол! Всех в люди вывел! — и один глаз хитро приоткрыл.

— Да, да! — зашумели радостно гости и зазвякали бокалами.

Молчал только и не потянулся за стаканом старый диакон. В комсомоле он никогда не состоял, с детства ходил на праздники в храм, уворачиваясь от комсомольцев-дружинников с красными повязками на рукавах. За столом сейчас вроде бы как те знакомые лица ему померещились.

О том, что у диакона тоже сегодня день ангела, и не вспомнили. Не в тему...

Проруха

Рафаиловна — старлица благочестивая, но и чересчур шустрая. При храме состоит смотрительницей и в каждую щель свой востренький нос норовит воткнуть. Зайдёт с улицы в храм какая-нибудь дама свечку поставить, не успеет ещё с робостью перекреститься и оглядеться, как Рафаиловна коршуном на неё: «А чё ты в брюках забежала, как басурманка? А чё без платка? А чё намазюканная, как Буратино?»

Пришибленная таким натиском дама забывает, зачем пришла. Зайдёт ли когда ещё?..

Рафаиловна и с постоянными прихожанами строга: неотступно следит, чтобы кто-нибудь из них со «своего» места не передвинулся на чужое, чуть что — недовольно шипит.

Сколько раз священники делали Рафаиловне за это «усердие не по разуму» внушение: так и прихожан всех можно от храма отвадить!.. Но опустит смиренно глазки долу Рафаиловна и опять за своё.

Хотя в экстренных случаях без неё не обойтись. Заболели разом оба пономаря, Алексей и Жорж, пришлось настоятелю доверить «пономарку» с кадилом Рафаиловне: всё-таки старлица благочестивая. И не ошибся настоятель: начищенное кадило яро блестит, в алтаре пылинке сесть некуда.

А когда вернулись, одолев свои болячки, Алексей с Жоржем, Рафаиловну хотели отставить от пономарства, да не тут-то было. Старички-алтарники не особо аккуратисты, и наведённая чистота при них стала блекнуть. Этого Рафаиловна не могла спокойно пережить. Заглянув в алтарь в щель приоткрытой диаконской двери, возмутилась, сжала негодующе кулачишки и возопила на лодырей «гласом великим». Старики как угорелые заметались по алтарю, и прежний порядок был благополучно восстановлен.

Но и на старуху бывает проруха. Как-то раз с улицы забежал в пустынный храм бомж. Маленького роста, неприметный, в меру вонючий и грязный — в оставленные прихожанами на паперти вещи бродяги иногда обряжаются не хуже обычных людей. Незамечен-

ным он прошмыгнул в алтарь и через пару секунд выбежал обратно, сжимая в одной руке подсвечник, а в другой — посеребрённый крестильный ящичек.

Рафаиловна отважно бросилась на вора, но приёмами самбо или джиу-джитсу старлица не владела, грабитель просто оттолкнул её в сторону и бывал таков. Как в омут канул! Вызванный по тревоге наряд милиции не сумел его изловить.

«Ой, это я, ворона старая, во всём виновата!» — сокрушалась Рафаиловна. И решила, искупая грех, просить у настоятеля благословения уйти в монастырь.

Видели её потом в соседней епархии, принесли весточку, что трудилась Рафаиловна на скотном дворе в монастырском хозяйстве.

Кто-то из наших прихожан вздохнул: «У неё, небось, там и коровы в бахилах ходят...»

Накануне референдума

Наш алтарник Вася — про таких говорят «взрослый паренёк» — приобрёл на воскресную службу заспанный, вялый, тетеря тетерей. То ли за ночь не выспался, то ли кто-то ему в том помешал. Только за что ни возьмётся Вася, всё из рук у него валится. На службе кадило не вовремя батюшке подаст; все в алтаре в требуемый уставом момент делают земной поклон перед Святыми Дарами, а Вася, задумавшись о чём-то своём, стоит столбом, ушами только не хлопая. К концу службы вдобавок и горящие угли из кадила по полу рассыпал.

— Всё, Василий, хватит! — укоряет его настоятель. — Иди-ка и отбей сто земных поклонов посреди храма перед аналоем! Может, проснёшься. Через руки-ноги и спину быстреей получится!

Вася честно и истово бьёт перед аналоем поклоны. Тут как тут сердобольные бабульки-прихожанки его окружают, жалеючи вопрошают:

— Что ж ты так, Васенька?!

Вася, отбив последний поклон, кряхтя и обливаясь потом, находчиво-бодро отвечает:

– Я за Крым молюсь! Чтоб там всё хорошо было!

Патриот.

«Мафиози»

Глеб – мужичок простецкий. Возьмёт благословение у настоятеля храма и тут же того по плечу приятельски хлопнет: «Как житуха, батя?!»

Сухонький фигуркой, незавидного роста, но с грубым, как у пропитухи, басом; шальные глаза навывкат. Явно по нраву ему, что и церковная приставка «отец» к имени его приклеилась. Отец – настоятель, отцы – клирики, отец – диакон, а он, стало быть, пусть и не гордо, отец – сторож.

В сторожке своей, неся службишку, Глеб ночами скучал. Возле храма спокойно, тихо, никакой ворог через ограду не лезет. Подремать бы можно до рассвета, да вот беда – бессонница. Приташил тогда «отец сторож» маленький телевизор, выставил антенну и давай ночами напропалую сериалы смотреть, переживать да ахать.

И досмотрелся так однажды... В разгар вечерней службы, когда настоятель на полиелее кадил храм, глуховатая бабушка-смотрительница его остановила и громким шёпотом возвестила новость, испуганно округляя глаза:

– Там отец сторож наш Глеб, выпимши, заперся в сторожке и требует, чтобы немедленно принесли ему зарплату! И чтоб – в чемоданчике!

– Прямо мафиози какой выискался! – проворчал настоятель. – Пусть проспится! Будут ему завтра и зарплата, и чемоданчик. В дорогу!..

Настоятель с виду суровый, но душой добрый, отходчивый.

Поутру прибредёт Глеб – повинная голова, пробормочет, потупив покаянно взор:

– Ты это, прости меня, батя... А?..

Потащит он из сторожки злосчастный телевизор и демонстративно брякнет его в мусорный бак. Даже свою полочку предложит на нужды храма отдать. И поклянется, что с

«зелёным змием» проклятым ему больше не по пути.

Смягчится сердце настоятеля: всё-таки какой-никакой, но брат во Христе.

Портфельчик

Семейство причащается Святых Христовых Тайн. Две девочки постарше уступают первенство младшей сестре. А та извивается ужом на руках у худошавого папы, мотает головой туда-сюда, плотно сжимая губы – ложечкой с причастием не попадётся.

– Да поставьте дочку на ноги, в конце концов! – говорит батюшка папаше. – Не младенец она у вас!

Девчонка уже не угрюмо и испуганно, а с некоторым настороженным интересом смотрит на батюшку снизу вверх. К спине непослушной рабы Божией, словно блин, прилепился крохотный игрушечный портфельчик.

– О, сегодня знаменательный день! – нашёлся священник. – Причащаются все, кто с портфельчиками!

И надо же – девчонка сразу свой рот нараспашку, как галчонок!

Подумалось: а что, если бы не только дети, но и взрослые дяди и тети с портфелями причащались почаще! Может, тогда и жили бы все в России лучше...

Дань моде

Молодой священник отец Сергей пришёл сам не свой:

– Пригласили меня освящать новорусский особняк... Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной ночнушке, коротенькой, по самое не могу. Этак спросонок. Щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятил особняк отец Сергей, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяйшки стыдливо глаза отводит.

– Понимаете хоть, зачем вам это освященные жилища? – спрашивает.

– Так модно же! – удивлённо округляются глазки с размазанной косметикой. – Чем я хуже других?! А вы получили за свою работу, так молчите!

ДАЙ ДЕНЕГ!

Котцу Сергию в церковном дворе подгребают бомж. Мужик ещё не старый, здоровяк, подбитая рожа только пламенеет, и перегаром за версту от него разит и едва с ног не сшибает.

– Дай денег! – просит у батюшки. А у того детей мал мала меньше, полная горница!

– Не дам, – говорит отец Сергей. – Мне чад кормить.

– А я вот семью свою потерял, потому и пью. Не могу без них и до такой жизни дошёл, – пытается разжалобить священника бомж и приговаривается, видимо, выдавить слезу.

– А ты не пей! – со строгостью отвечает отец Сергей. – И всё вернётся.

Бомж чувствует, что терпит фиаско, и кричит раздражённо:

– Я... я... Афган прошёл!.. Напишу вот корешам, они мне столько денег пришлют, что и тебе дам!..

Другой бомж – потише, на фантазии его не тянет, в состоянии крайнего возбуждения он приходит только в одном случае – когда в церковный двор въезжает шикарная иномарка и навстречу ей торопится батюшка с кропилом.

Освящение машины – дело серьёзное, тут хозяин подстраховаться от всякой беды хочет, стоит весь во внимании. Щедро кропит батюшка иномарку святой водичкой, а тут невзрачный оборванный мужичонка к хозяину подскакивает и – дёрг его за рукав!

– Дай денег! – кричит и шерит в беззубой улыбке рот.

Бритоголовый хозяин в другом бы месте без разговоров в ухо просителю въехал, но тут возле храма нельзя. А бомж не отстает, то за один рукав, то за другой опять дёргает.

– Да на! Отсохни! – суёт наконец бомжу купюру.

А тому только то и надо, будет ждать-ждать до следующей поживы. Иноземного авто в России хоть пруд пруди, миллионером можно так сделаться.

ВУПОСТАТОЧКИ

Пенсионерка, преподаватель педагогического вуза, то ли из солидарности с кем-то, то ли из простого любопытства зашла однажды в храм. Поозиралась по сторонам и вдруг видит: напротив иконы стоит давняя однокурсница и крестится.

В студенческой молодости дамы, без сомнения, соперничали меж собой, а может, и чёрная кошка когда-нибудь между ними прошмыгнула.

Первая, не успев ещё толком поздороваться, тут же поспешила уколоть другую:

– Крестишься, молишься вот... А помнишь, что у тебя в институте была твёрдая пятёрка по научному атеизму?

– Так я покаялась... – был ответ.

ТОСТ

Отец Федот – из прапорщиков, низкий, коренастый, даже какой-то квадратный, всегда то ли под хмельком, то ли просто так в узкие щелочки плутоватые глазки свои шурит.

Из армии его вытурили, не дали дослужить всего пару лет положенного срока. По особой, как он бахвалится, причине: тогда ещё, в конце восьмидесятых, замполит-дурак на построении сорвал нательный крестик с шеи солдата, а Федот заступился за беднягу. Может, это и было последней каплей в его служебных прегрешениях: проговаривался Федот по пьяной лавочке, что, мол, и тушёнку в жестяных банках у него на складе мыши успешно и много кушали, и спирт из опечатанных канистр чудесным образом улетучивался.

Короче, оказался Федот в доме у стареньких родителей в деревеньке возле стен монастыря. Тихую обитель, бывшую полузаброшенным музеем под открытым небом, стали восстанавливать, потребовались трудники. Федот тут и оказался кстати. Плотничать его еще в детстве тятка научил.

Потом забрали Федота в алтарь храма прислуживать, кадило подавать.

— Веруешь? — спросил игумен у перепачканного сажей Федота.

— Верую! — ответил тот.

— И слава Богу!

Самоучкой — где подскажут, а где и подопнут — продвигался Федот в попы.

В самом начале девяностых востребованной стала эта «профессия», позарез кадры понадобились. А где их сразу накуешь среди напичканных советским мусором головушек? У кого-то хоть чуть-чуть просветление в мозгах образовалось, как у Федота, тому и рады.

В церкви, как в армии, единоначалие, и Федоту к тому не привыкать. Тут он в своей тарелке. Нет-нет да и выскакивало из него прежнее — прапорщицкое, командирское. Бывало, служит панихиду. А какая старушонка глухая, не расслышит, как прочитали с поданной бумажки родные ей имена, — с соседкой ли заболтается или ещё что, затеребит настойчиво отца Федота за край фелони: уж не поленился ли, батюшко, моих помянуть?

— Так! — сгребёт за ошерок старую глухню Федот. И отработанным командным голосом огласит ей на ухо весь список. — Слышала?!

— Ой, батюшко, чай не глухая я! — еле отпыхается со страху старушонка.

Отец Федот развернётся к остальным и с угрозыливыми нотками в голосе спросит:

— Кто еще не слышал?! — Все попятятся.

В определенные моменты на литургии молящиеся в храме должны становиться на колени. Но бывает так, что, кроме богомольцев, просто находящихся и случайно сюда забежавших людей куда как больше. Стоят, глазуют, а то и болтают.

Отец Федот строг, тут вам не музей: выглянет, топорщась бородищей, из алтаря и рявк-

нет, как на солдат на плацу, для пушей убедительности сжимая кулак:

— А ну-ка, все на колени!

И бухались дружно. Даже доски деревянного пола вздрагивали.

На солдафонские повадки отца Федота никто особо не обижался: что взять, испортила хорошего человека армия.

Как раз в праздник Победы пригласили отца Федота освятить офис одной преуспевающей фирмы. Хозяева и сотрудники охотно подставляли раскормленные холёные хари под кропило батюшке, а потом, сунув ему на лапу, и за банкетный стол бы, чего доброго, позабыли пригласить. Но отец Федот — человек не гордый, сам пристроился.

Только наскучило ему всё скоро: был он, пока кропилом размахивал, главным героем момента, а теперь и в упор никто его не видел — пустое место. Вели фирмачи какие-то свои, непонятные ему, разговоры, лениво потягивали из бокалов заморские вина, нюхали чёрную икорку.

Ощутил себя отец Федот тут инородным телом. И зацепило его ещё: о празднике никто из присутствующих и не вспомнил даже. Решил он тогда встряхнуть всех старым армейским тостом. В большущий фужер из-под мороженого налил мартини, плеснул виски, сухого, пива, водочки...

Кое-кто с недоумением косился на отца Федота. А он встал из-за стола, под умолкающий шум вознёс свою братину, в почти полной уже тишине опрокинул её в себя и, зычно крякнув, выдохнул: «Смерть Гитлеру! И всем буржуйам!»

Непробиваемая

Восстанавливаемом храме любому трудяге рады, а уж безвозмездному — вдвойне. Но если человек с норовом попадет, тогда терпи, настоятель! У такого на всякую свою промашку найдётся железный довод.

Кира против древних бабушек-прихожанок — пенсионерка «молодая». В меру грубоватая, в меру разговорчивая, к холоду в слабо отап-

ливаемом храме неприхотливая, мзду не требует — в общем, вроде бы на месте за церковным ящиком стоит. Но и за словом в карман в разговоре с настоятелем не полезет.

На всенощном бдении забрели в храм два красноносых ханурика. В затрапезной одежке перетаптывались они с ноги на ногу вблизи свечного ящика, даже вроде бы и перекреститься пытались. Потом одному из них вдруг «поплохело». И не товарища своего, а Киру умоляюще-ласково попросил он проводить его на свежий воздух. Недаром говорят, что доброе слово и кошке приятно: Кира участливо подхватила невзрачного мужичка под локоток и повлекла в притвор, беспечно оставив свой «боевой пост». Этой Кириной промашкой и воспользовался напарник — схватил со стола фанерный ящичек с пожертвованиями и запасным выходом рванул на улицу.

Догнать злоумышленника было некому — в храме молились несколько древних бабуль, а прозеворонившая Кира, нисколько не смущаясь, даже попеняла в ответ на упрёки настоятелю: «Я за свечки отвечаю. Пропала хотя бы одна? Нет. А ящик вам привязать надо было... Да и набралось там мелочи с горсть. Глядишь, неимущим бомжам сгодится на хлебушко!..»

А скоро опять катавасия с этой Кирой приключилась. Подарили храму накупольный крест. Ржавый, с облупившейся краской, он сохранился где-то каким-то чудом от богоборческих времён. С реставратором договорились, восстанавливать крест он вызвался безвозмездно, а пока решал, что да как делать, крест прислонили к стене внутри храма своего часа ждать.

Дело это растянулось надолго, реставратор всё раздумывал, как к работе приступить, а другого — за плату нанять — приходу не по карману.

Однажды настоятель зашёл около полудня в храм и обомлел. Креста на месте не было!

— Где?! — возопил он и указал рукой Кире на пустое место.

— Мужик тут один забежал, взвалил крест себе на плечо и унёс, — спокойно ответствовала Кира.

— Куда? Зачем? Да и кто — без благословения? — удручённо восклицал настоятель и упрекнул Киру: — Ты-то для чего тут поставлена?! Воспрепятствовать похитителю должна, а у тебя из храма хоть всё уноси!

— А если б он меня по кумполу наладил? — отбояривалась насупленная Кира. — Что ценнее — жизнь человеческая или металл?

В это время в храм вбежал запыхавшийся молодой человек. И — к батюшке.

— Я крест в свою мастерскую увёз. Моя машина поломалась, попутку пришлось нанимать. Решил — буду реставрировать безвозмездно, во славу Божию! Извините, я торопился, благословения вашего не смог подождать.

— Вот видите! — торжествующе попеняла настоятелю Кира. — А вы расстраивались!..

Задача

Перед Троицей, в родительскую субботу, красноносый, с помятым личиком мужичок, озираясь, бочком, подошел к церковной лавке.

— Это самое... — просительно взглянул он на продавщицу и высунул из кармана горлышко «Столичной». — Освятить бы ее, а? Батюку помянуть на погосте собрался.

Продавщица, дама крупная, с громовым голосом, насмотрелась на своем рабочем месте всяких чудаков и особо церемониться с ними не привыкла.

Короче, сам не ведая как, оказался испуганно-взъерошенный мужичок за церковной оградой не солоно хлебавши. И тут столкнулся нос к носу со священником.

— Вот, батюшка, турнула меня ваша продавщица ни за что ни про что! — пожаловался он и рассказал почему. — Я же как лучше хотел... И отец у меня верующий был.

— Твой отец обрадовался, если б ты к нему не с выпивкой пришел, а с молитвой! — ответил как отрезал священник.

Осталось мужичку озадаченно маковку свою чесать.

Тактик

Заштатный протоиерей отец Василий изредка служил в нашем храме. Но вот облачение на себя выбирал всегда старое, поношенное. Ребята-алтарники перед его приходом запрячут невзрачное облачение подалее. Ан нет, прибредёт отец Василий, разошьёт всё на вешалке, упорно отыщет то, что ему нужно.

— Батюшка! — отговаривает его настоятель.
— Надевайте новое, смотритеся ведь совсем по-другому будете! Да и спонсоры сегодня на службу пожалуют, что подумают?

— То и подумают! Больше облагодетельствуют! — отвечает умудрённый долгой жизнью отец Василий.

Лётчик

Жорж, низкорослый старичок с плешивой головой и огромной бородецей, пономарь новый, в алтаре от всего испуганно шарахается и крестится невпопад. Состоял он прежде недолго сторожем и одновременно дворником при храме: ночью блаженствовал на топчане в сторожке, днём помахивал метлой по дорожкам внутри ограды. Числился Жорж лицом без определённого вида жительства, но, обосновавшись на приходе, стал выглядеть вполне прилично, прибарахлясь шмотками, оставленными на паперти прихожанами. Как же иначе? Форс держать надо — Жорж бабкам хвастал, что в авиации по молодости служил.

Жизнью такой он был доволен. Жаль, что скоро закончилась она. Жоржа взяли на послушание в алтарь вместо заболевшего пономаря. На этой «должности» блаженствовать некогда: то батюшке просфоры подай, то принеси со свечного ящика записки от прихожан да ещё и следи, чтобы угли в кадиле не потухли. То одно, то другое...

Вроде мелочи, но кругом идёт голова у Жоржа, никуда он, бедолага, не успеваает, всё из рук у него валится. Морщится только

он виновато на упрёки батюшки да, отвернувшись, втихаря ворчит — сетует на такую судьбу.

А тут ещё и архиерейская служба подоспела. Народу в алтаре — не протолкнуться: мальчишки из архиерейской обслуги, диаконы, священники. Зажатый в угол Жорж трясётся, ровно овечий хвостик, взирает на происходящее испуганно вытаращенными глазами и радуется, что никто у него ничего не спрашивает и не требует.

Но и про Жоржа вдруг вспомнили. На литургии перед началом Великого входа архиерей, стоя у жертвенника, вынимает из просфоры частицы за здоровье всех сослужащих ему в алтаре. По старшинству, от благочинного до алтарника, все по очереди подходят к Владыке и, поцеловав его в плечо, называют для поминовения своё имя. Прошли все, лишь один Жорж жмётся в своём уголке. Порядок есть порядок: ребята-иподиаконы подхватили Жоржа под локотки и — к Владыке.

Перепуганный Жорж отбивается, будто на казнь его волокут:

— Куда вы меня, охламоны, тащите?! — вопит истошно и что есть сил упирается.

— Это что у вас за больной? — сердито вопрошает архиерей.

— Да он нормальный. Авиатором был, лётчиком! — пытается сгладить неловкость настоятель.

— С парашютом неудачно спрыгнул?

— С печки упал! — честно и покаянно признался Жорж.

На требох

Отец Евгений — священник новоначальный, недавно рукоположенный, так что ещё не вся многочисленная его родня об этом знала, тем более дальняя.

Но рано или поздно разнеслось это известие: из городка в соседней области прилетел звоночек — срочно приезжай соборовать и причащать двоюродную бабку. И хоть свой храм в том городке имеется и свой священ-

ник, но старушка желает, чтоб непременно родственник таинства совершил.

Что делать? Запрыгнул батюшка в личную потрёпанную легковушку и, сотворив молитву, двинулся вперёд на север, за двести вёрст.

Подъезжая уж к тому городку, он вспомнил вдруг, что впопыхах забыл прихватить с собой дароносицу — ковчежец с Причастием, но обрадовался, завидев на околице храм, по всему виду действующий. «Собратья выручат!» — решил уверенно.

Да не тут-то было! Местный священник, ровесник отцу Сергию, взглянул на него подозрительно: в наше время подрясничек надеть и выдавать себя за служителя церкви любой прощельюга может.

Удалось доказать, кто есть кто, вновь загвоздка возникла: та бабушка-то — атеистка, коммунистка, только что вслед священникам не плевалась. Но крещена, видно, в детстве, раз, когда припёрло, про Бога вспомнила.

Подсел брат в машину к отцу Евгению; поехали к бабушкиному дому вдвоём:

— Ты служи, а я присмотрю — мало ли что!

Приехали. Лежит бабулька: ручки сложены, глазки прикрыты. Родова кое-какая в прихожей топчется.

Пособоровал отец Евгений болящую, глухую исповедь от неё принял, епитрахиль ей на голову накинуд и разрешительную молитву прочёл. Причастил Святых Христовых Тайн с помощью собрата бабушку, вроде бы дышащую совсем на ладан.

И о чудо! Старушка вдруг легко поднялась с кровати, шустро задвигалась по горнице, даже прикрикнула на своячениц:

— Вот что родная кровь-то делает! На ноги поставила! Я теперь в церкву всё время ходить стану!.. Эй, вы, нагрузите-ка нашему родному батюшке всякой снеди в багажник машины!

И только что сама первая в подпол за соленьями да вареньями не нырнула.

Отец Евгений оторопело и с испугом уставился на ожившую причастницу, но местный собрат был опытнее, собраннее и потому изрёк:

— При чем тут родня? Ты, бабушка, Христа в себя приняла.

Молодой, да ранний

Перевело начальство с прихода старого настоятеля. Мол, храм восстанавливает он медленно, кланяться у богатеньких спонсоров средств за годы то ли не наловчился, то ли просто стесняется. В общем, сделал «мавр» свое дело — открыл храм для богослужений, должен теперь и уйти.

Прибыл на его место юный поп. Недавно из семинарии, но, видать, молодой, да ранний. Нашел краткий список благодетелей, ткнул наугад пальцем в первое попавшееся имя и отправился знакомство заводить.

Сидевший за столом добродушный на вид здоровяк, глава строительной фирмы, вопросительно поднял глаза на стремительно влетевшую в его кабинет тощую фигурку батюшки.

Тот прямо с порога взял «фирмача» в оборот, загибая пальцы:

— Вы мне дайте железо для ремонта кровли, дайте рабочих!.. Дайте то, дайте это...

Глава фирмы в ответ что-то невразумительно промычал, замотал головой и наконец сумел прервать словоохотливого батюшку, озадачив вопросом:

— А вы, молодой человек, что нам взамен дадите?

Повисло молчание.

— Воды крещенской дам! — нашелся юный батюшка. — Бесплатно. Приходите!..

Вмиранный человек

Смотритель при храме — должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков.

Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пушей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий — произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!» Но диакон был не робкого десятка и с достоинством ответил: «Отдачей не замучаешься?»

Бузотёра незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу.

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибил к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылём в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами, он не чурался всякой работёнки — только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надёжный заслон был поставлен. Одного Ваня даже поймал с поличным — вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси.

Допытывались у Вани: чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

— Вот смиренный какой человек... — шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришёл на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

— Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде ещё и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

— В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Одолели бомжи. С холодами порядочной компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, трясут милостыню. Настоятель, бедный, не знает, как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча, куда как круче многолетнего молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

— Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначей — тётка бывалая, тёртая жизнью. Храм хоть и в центре города, но верующим возвращён недавно, обустроиваться в нём только-только начали. Чтoб не застынуть в мороз, поставили печки-временки, привезли и свалили на улице возле стены храма воз дров.

Казначей и обращается к божмам с деловым предложением:

— Берите рукавицы, топоры, и — дрова колоть! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнётся, бормочет себе под нос: «Да я работать-то и отвык...» и — бочком, бочком — на улицу! Следом — остальные. Как ветром всех сдуло.

ГЛАВНА

Навестить то дальше село меня попросила давняя прихожанка. Чаяли Великим постом пособороваться и причаститься Святых Христовых Тайн её престарелые родители.

Всю неблизкую дорогу вспоминалась мне моя газетная юность: корреспондентом отдела сельской жизни «районки» часто приходилось бывать в здешних краях, писать очерки и зарисовки о тружениках — совхоз был передовой, один из лучших в районе.

Всё село завалено снегом: весна ещё только-только пробуждается первой несмелой каплейю.

Старички обрадовались, исповедовались по-крестьянски незамысловато и просто. После принятия Святых Христовых Тайн за-

шёл разговор о нынешней жизни: что да как, да где, кто знаком.

Оказалось, что того совхоза давно нет и в помине, разорили его в девяностые. Разделили работнички уголья на паи, а потом продали за бесценок заезжим коммерсантам — владельцам пищевого комбината. Те уже молочные фермы ликвидировали, невыгодно, мол. Наобещали селянам золотые горы, а потом прогорели и смылись. Остались доверчивые селяне ни с чем — работы нет, молодёжь в города подалась, одни пенсионеры кое-как существуют.

— Помню, у вас в соседней деревне закрытый храм стоял. Ещё зерносклад в нём размещался. Говорят, следили за ним хорошо, берегли, даже роспись вся сохранилась. Всё по-прежнему? — спросил я.

— Да, да! Так и было! Но как зерно из него вывезли, так всё и забросили. Крыша прохудилась, протекла — какой-то жадюга часть железных листов с крыши спёр. Невеселая приключилась история! — вздохнула сокрушенно старушка. — Мы тогда, в девяностые годы, хотели храм восстанавливать, даже община начала собираться. Скликали селян на общее собрание — давайте, мол, сложимся деньгами для ремонта крыши, иначе ведь зальёт дождями всё и снегом засыплет. И совхоз, может, подсобит? И надо же — против уперлась его директорша! Она — баба шустрая, продувная, партийная, до директоров партторгом работала — язык подвешен, позавидуешь! Мол, сейчас у нас задачи поважнее церкви, хозяйство на паи между вами надо разделить, а потом видно будет. И — слово за слово — всех отговорила краснобайка! Да и мало нашлось людей Богу верующих, не защитили храм.

— А что теперь там?

— Что? Свод обвалился, роспись со стен ссыпалась. Заглянуть, а не то что войти внутрь, страшно! Разруха!.. Сберегли бы в те годы храм — и у нас бы все было хорошо. — закручинился и старичок. — Слабину мы тогда дали — и аукнулось!

Противостояние

Ильич стоит к храму боком, вроде как бы с пренебрежением засунув руки в карманы штанов и сбив на затылок кепку. На пьедестале — маленький, в свой натуральный рост, измазан чёрной краской.

Храм в нескольких десятках метров от статуи, в окружении рощицы из старых деревьев, уцелел чудом на краю площади в центре города. Всегда был заперт на замок, окна закрыты глухими ставнями.

Однажды в его стенах опять затеплилась таинственная, уединенная от прочего мира церковная жизнь.

Но и на пустынной площади возле Ленина разместился луна-парк с качелями-каруселями, надувными батутами, развеселой, грохочущей день-деньской музыкой. О вожде мирового пролетариата тоже не забыли: как любителю детей, под самый нос ему заворотили ярко раскрашенную громадную качалку. Только дети то ли не полюбили, то ли просто побоялись качаться тут или благоразумные родители им запретили это. Визжали, дурачились на качалке молодые подвыпившие тетки, а с лавочек возле постамента, опутанного гирляндой из разноцветных помигивающих лампочек, их задирали тоже хватившие лишку молодцы с коротко стриженными, в извилинах шрамов, головами и в грязных потных майках, обтягивающих изляпанное синевой наколок тела.

Не думал я, проходя мимо них на службу, что неожиданно-негаданно эта накачанная компания, спасаясь от жары или вовсе теряя всякую ориентировку во времени и пространстве, ввалится в храм...

Служили на Троицу литию. Выбрались из зимнего тесного придела в притвор напротив раскрытых врат просторного летнего храма, выставшего за долгую зиму и теперь наполненного тяжелым влажным воздухом. Из окон под куполом пробиваются солнечные лучи, высвечивают, делая отчетливыми старинные фрески на стенах. Как на корабле среди бушующего, исходящего страстями людского моря!

Молодцов, пьяно-шумно загомонивших, тут же, зашипев и зашикав, выпроводили обратно за порог бабульки-смотрительницы. Один все-таки, в ярко-красной майке, загорелый до черноты, сумел обогнуть заслон и, качаясь из стороны в сторону, пройти в гулкую пустоту летнего храма. Возле самой солеи, у царских врат, он бухнулся на коленки и прижался лбом к холодному каменному полу. Старушонки, подскочив, начали тормозить и его, чтобы вывести, но батюшка махнул им рукой: пускай остается!..

Торжественно, отдаваясь эхом под сводами храма, звучали слова прошений ектении, хор временами подхватывал стройным печальным многоголосьем: «Господи, помилуй... Господи, помилуй!» В эту симфонию вдруг стали примешиваться какие-то неясные звуки. Мы прислушались. Да это же рыдал тот стриженный в майке! Бился испещренной шрамами головой об край солеи, просил, умолял, жалился о своей, скорее всего, несуразно и непутево сложившейся жизни. Что творилось в душе его, какое скопище грехов рвало и кромсало ее на мелкие кровоточащие части?!

Вот он утих и лежал так ничком на полу до

конца службы. Потом бабульки помогли ему подняться и повлекли его к выходу из храма, умиротворенного, притихшего, с мокрым от слез лицом.

А молодой батюшка, вздохнув, сказал:

– Проспитесь в кустах под Лениным и все свое покаяние забудет. А жаль!

Николай Александрович ТОЛСТИКОВ

родился в 1958 году в г. Кадникове Вологодской области.

*Окончил Литературный институт им. А.М. Горького,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.*

*Священник храма святителя Николая
во Владычной слободе Вологды.*

Публиковался в российских и зарубежных изданиях, сборниках.

*Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста»,
«Лазарева суббота», «Приходские повести».*

*Награжден медалью Василия Шукшина,
учрежденной Союзом писателей России, и др.
Лауреат премии журнала «Север» за 2021 год.*

Член Союза писателей России.

